

1991 - 28 мая - с. 6.

«Москва — Петушки», далее без остановок

Посвящается памяти Венедикта Ерофеева

Август 1961-го. Владимир, Стрелецкая, 42, комната № 5 или «номер пятый», как мы потом называли нашу комнату-казарму в студенческом общежитии ВГПИ. Да, уж если и не казарма, то во всяком случае — больничная палата районной или даже областной больницы. Десять коек, столько же жильцов — немало для 20—24 квадратных метров.

Что заставило меня взяться за перо и начать с «пятого номера»? А дело в том, что он теперь — номер-памятник, номер-мемориал, если хотите. Сюда в конце августа 1961-го прибыл на жительство и поселился писатель Венедикт Васильевич Ерофеев.

Поселился он позже нас, т. к. экзамены не сдавал вместе с нами, будучи медалистом. Но собеседование проходил: позже упоминал фамилию преподавателя «от филологии» А. Б. Пенсковского, который слушал его в несколько необычной обстановке: у себя дома, кормя кур... Первый же раз я увидел Ерофеева в здании пединститута, что у Золотых Ворот, на первом этаже, у дверей одной из аудиторий, сидящим на стуле в своей обычной, я бы сказал, ерофеевской позе: нога — на ногу, рука — на руку, руки на коленях.

На мой вопрос по существу — точный, лаконичный, ерофеевский ответ, сопровождаемый цепким, долгим, запоминающим взглядом исподлобья.

Итак, жило нас в «пятом номере» десять человек, целое армейское отделение. Подходящее слово: нас, бывших солдат, среди прочих жильцов был человек пять. Кто только что из армии, как я и Борис М., кто побывал в ней раньше, как два Анатолия: М. и Л.

Венедикт, наша с Борисом ровня, в армии не служил. У него своя выдалась судьба — вечного студента, а в «межсезонье» — рабочего-строителя. К тому, нашему, времени он успел поучиться и в МГУ, и в Орехово-Зуевском пединституте, и Московский историко-архивный вспоминал применительно к своей предыстории, успев поработать на стройке...

В сентябре я был «проводглашен» старостой «пятого номера». Я староста, средник нашего маленького, «семейного» коллектива. И койка моя почти в середине левого от двери ряда. Всего рядов два и один рядок — койка Бориса М. В середине второго ряда, несколько левее, ближе к моей «позиции» — койка Ерофеева. Моя и его образуют, правда, не соприкасаясь (из-за прохода), прямую угол. Они, койки, и мы — под прямым углом. Два ка-

тета одного легко воображаемого треугольника. Вот равны ли эти катеты? Отнюдь нет: я тянулся к Ерофееву. Притягивали и личные качества, и эрудиция, чего так не хватало бывшему солдату, а перед тем — рабочему, в течение последних пяти лет оторванному от интеллектуальной жизни. И в основном благодаря Ерофееву второй «катет» нашего общего прямоугольного треугольника начал приобретать соответствующий вид. Я уже не был безучастным слушателем в литературных беседах и спорах, начал писать.

Однажды, прогуливаясь по «Бродвею» (улица III Интернационала в г. Владимире), Венедикт предложил такое необычное занятие:

— Давайте по выражению лица встречных прохожих, по характеру их походки, жестам угадывать их настроение, мысли, цель маршрута...

Чем не «аутотренинг» для будущего литератора!

Выпивал (много об этом говорили, говорят и поныне досужие языки). Выпивали и мы, но отнюдь не во вред делу. Имею в виду самообразование в самом хорошем смысле. Но я никогда не видел Ерофеева пьяным. Наоборот, в такие минуты каждая клеточка его мозга и сердца была словно обнажена, очищена от временного налета, каждая сияла, как начищенная монета, источая перлы великого смысла и незаурядного чувства. В такие минуты он был неотразим.

Конечно, по утрам чувствовал себя плохо. Подолгу сидя в постели в позе «больного Некрасова» — привалясь к подушке, подложенной к спине кровати, много курил. Развертывал сигаретные окурки, сыпал в газетную заготовку (обертку) и закуривал «цигарку». Обыкновенную «мужичью», держа ее двумя пальцами. Бумажная пепельница — освобождавшаяся из-под сигарет пачка — постоянно переполнялась. Пепел сыпался на тумбочку, где она стояла, потом — на пол. Недруги видели это, заходя в нашу комнату, судачили по углам и прилюдно. Создавалось общественное мнение. К декабрю 61-го оно определилось и вылилось в собрание жильцов общежития, головной проблемой которого был вопрос, поставленный на ребро: быть или не быть В. Ерофееву в студенчестве.

Приглашали и меня как старосту «пятого номера». Отказался, сославшись на «душевную депрессию», предвидя безрезультативность возможной защиты и не желая «руку приложить» к безжалостному приговору. Финал судилища вылился в «аморальное поведение». Этим определением плонули «друзья-

товарищи» в чистую душу беззащитного юноши. Да, чистую. Грязь никогда не окверняла его.

— Фу, какая гадость, — говорил Венедикт всякий раз в ответ на чью-либо пошлость, цинизм или хамство.

И на этот раз, кроме снисходительной улыбки, на его устах ничего не было. Вел себя так, будто ничего и не произошло. Заранее ли предвидел подобный финал и был готов к нему? Или стоял настолько высоко над житейскими дразнями, что просто не реагировал на них?

Его изгнали. Сначала из общежития, потом из вуза. И для этого нашлись причины. Одна из них — «свернул» генеральскую дочь, тоже студентку, и «хочет жениться, повенчавшись в церкви». А она любила его. «Плакала на моей груди...» — говорил потом Венедикт, вспоминая встречу с любимой девушкой на вокзале. И не без оттенка горечи, полушутя-полусерьезно декламировал известные строки:

Он был титулярный советник,

Она — генеральская дочь...

Это была Черная. Ерофеев никогда не называл своих подруг (между нами, конечно) по имени. У них были имена по цвету кофты, свитера, платья. Почему? Никогда не говорил сам, никто не спрашивал. Может, по причине «создания системы тайных доносов», о которой он потом напишет в своем «Евангелии...»?

Валя, Черная, носила черных свитер. Зеленая — салатное платье. Коричневая — такое платье. И по уму, и по внешности — лучшие студентки вуза.

Жил потом у Тихоновых, у своего «первенца» Вадима. Это ему посвятил «Москва — Петушки». Испытывал к другу, я бы сказал, отеческие чувства (Вадим года на два моложе Венедикта), а себя ощущал членом семьи, «Старшим». Нет, не по возрасту и не по праву, а в силу душевной высоты, которую понимал каждый из членов этого вновь состоявшегося семейства. Когда ушел в рабочее общежитие на ул. Полины Осипенко (Ерофеев работал в нем когечаром), тесные, «семейные» связи этих двух закадычных друзей еще более укрепились. Отеческие качества у Венедикта были. Не улыбайтесь: не каждый мужик в отцы годится. А быть отцом не по крови, а по душе — великое качество. Им Венедикт обладал. Чувствовалось это особенно после продолжительной разлуки. Так радушно встречал! Действительно, было ощущение отеческого, родного очага. И это в общежитии!

Г. ЗОТКИН.

Владимирская область.